

УДК 94(5-191.2)

**ХАДЖ МУСУЛЬМАН ТУРКЕСТАНА В ПЕРИОД УСТРОЙСТВА ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ
В РЕГИОНЕ (1865–1870-е гг.) (ПО АРХИВНЫМ И ПРАВОВЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

В.П. Литвинов

Рассматриваются проблемы паломничества мусульман Туркестана в Мекку и Медину во время устройства царской власти в регионе в первоначальный период после присоединения Средней Азии к России.

Ключевые слова: Туркестан; хадж; мусульмане; Мекка; Медина; царская власть; заграничные паспорта.

**TURKESTAN MOSLEMS HAJJ DURING TSARIST AUTHORITY ESTABLISHMENT
IN THE REGION (1865–1870) (ON THE BASIS OF ARCHIVE MATERIALS)**

V.P. Litvinov

The article deals with the problems of Turkestan Moslems' pilgrimage to Mecca and Medina during tsarist authority establishment in the region during the initial period after Central Asia's annexation to Russia.

Key words: Turkestan; hajj; Moslems; Mecca; Medina; tsarist authority; foreign travel passports.

Как известно, хадж – это паломничество мусульман в Мекку принадлежит к числу пяти важнейших установлений ислама. Однако его исполнение мусульманами Туркестана всегда было затруднительным из-за значительной отдаленности Мекки от региона, а также больших затрат и рисков, связанных с паломничеством к величайшей святыне религии Пророка – Каабе. Поэтому, как отмечал известный дореволюционный туркестановед В.П. Наливкин, до присоединения Средней Азии к России “человек, совершивший паломничество в Мекку, был большой редкостью” [1].

Такого же мнения придерживается и современный кыргызстанский историк О.Дж. Осмонов, который, например, пишет о том, что до присоединения Средней Азии к России “среди кыргызов не укоренился обычай обязательного соблюдения пяти мусульманских заповедей <...> Паломничество к святым местам (Мекка и др.) было под силу только состоятельным. Причем нередко оно совершалось за счет пожертвований народа” [2]. При этом считаем нужным отметить, что об исполнении хаджа в Кыргызстане в царистский период О.Дж. Осмонов ничего не пишет [2, с. 325–342].

Постсоветская национальная историография в молодых независимых государствах лишний раз не хочет задеть “русское” (царистское и советское) прошлое, и в части хаджа мусульман Туркестана тоже. Так, постсоветский казахский историк С. Жо-

ласбаев пишет: “Статьи 252–260 Правил по руководству духовными делами киргизов” 1867–1868 гг. в законодательном виде ограничивали распространение ислама в казахских степях. *Были поставлены жесткие условия тем, кто хотел совершить паломничество в Мекку* (выделено нами. – Авт.)” [3]. Ему вторит современный казахский исследователь А. Бисенбаев, утверждающий о том, что “царские власти до 1900 г. запрещали паломничество в Мекку” [4]. С ним соглашается узбекистанский исследователь Т. В. Котюкова, которая пишет о том, что в Русском Туркестане “в 1900 г. был снят запрет с паломничества в Мекку” [5]. Такого рода мнения просто постыдны для людей, представляющих профессиональными специалистами. Нам давно уже удалось доказать, что хадж мусульман Туркестана всегда был свободным, кроме случаев распространения опасных эпидемий (чумы, холеры, тифа и др.) в Хиджазе и в странах Ближнего Востока, а также во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., поскольку территория Мекки находилась под юрисдикцией властей Османской империи [6].

Отношение царской власти к хаджу как зарубежному паломничеству мусульман Туркестана сложилось изначально, в период ее устройства на вновь присоединенных территориях Средней Азии, рассматриваемый в данной статье. Оно не могло быть запретительным, поскольку “Основные законы” Российской империи, в статье 44 провозглашали:

“Все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в Российской службе или временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужений по обрядам оной (выделено нами. – Авт.)” [7].

Таким образом, запрещение хаджа как одного из важнейших законов было невозможно, так как царская власть не могла действовать против его же принятых законов. Но временное приостановление его допускалось иными законами, рассчитанными на разного рода чрезвычайные ситуации. В рассматриваемый нами период хадж мусульман Туркестана был фактически приостановлен только из-за русско-японской войны 1877–1878 гг., причем правительственный циркуляр не запрещал его, а рекомендовал воздержаться от паломничества в Мекку по территории военного противника.

Как известно, на присоединенных территориях Средней Азии в феврале 1865 г. была образована Туркестанская область, подчиненная Оренбургскому генерал-губернаторству [8]. Военным губернатором ее был назначен генерал-майор М.Г. Черняев. После того как он летом 1865 г. взял штурмом Ташкент, который, кстати, стал тут же областным центром, коренное (так называемое “туземное”) население Туркестана высоко оценило его храбрость и воинскую отвагу, присвоив ему имя “Шир-наиб” (“Предводитель львов”).

Черняев проявил либерализм по отношению к местному мусульманскому сообществу и духовенству, сохранил все его привилегии, не вмешиваясь в религиозные дела населения, но при этом запретил шариатским судам выносить изуверские приговоры (отсечение рук, ног, ушей и т. п.). Понятно, что и к хаджу туркестанских мусульман он относился столь же либерально, не ограничивая ничем их паломничество в Мекку. Судя по документам (особенно фонда его имени в архиве Государственного исторического музея в Москве), Черняев вообще мало интересовался проблемой хаджа местных мусульман – у него была уйма дел по устройству управления в Ташкенте и его округе.

Но такая религиозная политика Черняева не была понята ни его непосредственным начальником – Оренбургским генерал-губернатором Н. Крыжановским, ни самим военным министром Д.А. Милютиным, человеком, вне всякого сомнения, умнейшим и проницательным. Путем несложной интриги два военных бюрократа быстро “съели” молодого (36-летнего) генерала и в марте 1866 г. Черняев был отстранен от должности. Сменивший Черняева фаворит военного министра

и Оренбургского генерал-губернатора, генерал-майор Д. И. Романовский проблемами хаджа мусульман в Мекку не интересовался тоже – он более хотел подорвать шариатский строй жизни абorigенов области путем введения так называемых “мехкеме” – административно-судебных учреждений, которые некогда были внедрены российскими властями среди мусульманских народов Кавказа и в известной мере оправдали себя. Однако в Туркестане “мехкеме” явно не сработали и, в конце концов, провалились, поскольку строй жизни мусульман Туркестана существенно отличался от такового же у горских народов Кавказа.

С суровой критикой политики новой русской администрации области выступил глава мусульманского духовенства казы-калян (верховный судья) Хаким-ходжа Ишанов, написавший личное письмо императору Александру II, в котором хвалил поведение Черняева и писал, что его надо вернуть, так как при его правильной политике по отношению к мусульманам они и без оружия придут под русское “крыло” [6, с. 154]. Но письмо казы-каляна повлияло (отчасти) только на то, что Романовского в 1867 г. убрали с должности, а летом того же года царским указом было образовано Туркестанское генерал-губернаторство (край) в составе двух областей – Сыр-Дарьинской и Семиреченской [9]. Одновременно был учрежден и Туркестанский военный округ [10].

Генерал-губернатором и командующим округом был назначен старый сослуживец военного министра Д.И. Милютина генерал-адъютант К.П. Кауфман (1818–1882). Военный инженер по образованию, он долгое время служил на Кавказе, где возрастал в опыте и чинах будущий выдающийся российский военный реформатор. Став военным министром, Милютин назначил генерал-майора Кауфмана на важный пост директора канцелярии военного министерства. В 1864 г. в звании генерал-лейтенанта тот возглавил трудный Северо-Западный край, населенный в значительной мере русофобствующими поляками, незадолго до этого вставшими против российской власти, но без успеха.

Сегодня о К.П. Кауфмане знают, пожалуй, лишь те, кто интересуется историей Средней Азии. Но в последней трети XIX – начале XX вв. его имя упоминалось весьма часто, он назывался “первоустроителем” Туркестанского края, а среди “туземного” населения – “ярм-падишахом” (полуцарем). И то и другое, на наш взгляд, полностью соответствовало действительности, поскольку власть Кауфмана в регионе была почти безграничной.

Из вышеуказанного явствует, что в Русском Туркестане было учреждено так называемое “военно-народное управление”, характеризовавшееся

нераздельностью власти первого лица в сфере управления как военными, так и гражданскими делами. Выбор, на наш взгляд, был весьма удачен: как немец Кауфман был педантичен, организован, дисциплинирован, суров, собран и т. д. и лучше других подходил для роли “первоустроителя” Русского Туркестана, создателя в нем фундамента действительно эффективной административной власти.

Под Кауфмана был написан проект “Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях”, который был даже опубликован, несмотря на то, что не получил законодательного утверждения из-за сопротивления министерств финансов и юстиции [11]. Но император Александр II личным распоряжением ввел Проект в действие, вплоть до принятия законодательным образом нового “Туркестанского положения”. Таким образом, Проект 1867 г. действовал (причем, весьма успешно) почти два десятилетия, до утверждения в июне 1886 г. “Положения об управлении Туркестанским краем” [12].

Кауфман избрал по отношению к исламу и его духовенству в Туркестане политику так называемого “игнорирования”. Сущность этой политики кратко, но выразительно охарактеризовал российский востоковед В.Н. Ушаков, отмечающий, что в дореволюционном Русском Туркестане “в целом колониальные власти понимали серьезность исламского фактора и не препятствовали вероисповеданию мусульманского населения, но ислам был взят под государственный контроль” [13]. При этом мы считаем необходимым заметить, что ни в одном законодательном акте об управлении Русским Туркестаном не было норм, касавшихся государственного регулирования религиозными делами мусульман, не исключая, разумеется, и паломничества в Мекку [14].

Нельзя сказать, чтобы Кауфман сразу стал заниматься решением вопроса о хадже мусульман края, у него была масса текущих проблем по организации действенной системы власти и управления в Туркестане, судопроизводства, образования, налогообложения и др., а также военных вопросов, поскольку он был, как отмечалось, одновременно и командующим войсками Туркестанского военного округа. Тем не менее, одной из первых важных мер администрации Кауфмана было введение так называемых “открытых листов” для лиц, желавших совершить паломничество в Мекку – хадж. Бланки этого документа печатались в типографии и выглядели следующим образом:

“ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ

Объявляется через сие всем и каждому о том ведать надлежит, что предьявитель сего русский

подданный, житель _____ Туркестанско-го края отправляется на поклонение в Мекку. В удостоверение чего и для свободного проезда туда и обратно выдан сей вид, который действителен от нижеписанного числа впредь на _____ год. Дан в г. (городе) _____ числа _____ месяца _____ тысяча _____ года.

*Туркестанский генерал-губернатор,
генерал-адъютант*

(Подпись)”

Печать туркестанского генерал-губернатора (круглая; в центре: державный герб – двуглавый орел; по ободу надпись: “Туркестанский генерал-губернатор”) [15].

Повсеместно через лиц “туземной” администрации – волостных управителей и аксакалов – сельских старшин мусульманам края разъяснялось, что получение “открытых листов” паломниками в Мекку важно не для русской власти, а прежде всего для них самих, так как, имея на руках такой документ, любой паломник (как российский подданный) мог за границей рассчитывать на защиту своих прав со стороны дипломатических представительств России – посольств и консульств перед властями тех стран, через которые он будет совершать хадж. Но мусульмане Русского Туркестана, собравшиеся в Мекку, не спешили приобретать “открытые листы”, выдававшиеся почти бесплатно (уплачивался лишь “гербовой сбор”). Причины такого отношения к новации русских властей были разными. Но одна была слишком очевидной: любой паломник, намеревавшийся совершить паломничество в Мекку, мог скрыть это от властей и отбыть за границу под видом устройства торговых, родственных, образовательных и иных дел. Дипломатическое значение “открытого листа” как защитника их прав по дороге в Мекку мусульмане края не понимали, так как до прихода России в Туркестан ни с чем подобным в жизни среднеазиатских ханств они просто не встречались.

Кауфман достаточно быстро понял это и решил установить общие принципы выезда “туземцев” за границу. Такой опыт в самой России уже имелся: отбывавшие за границу должны были иметь заграничные паспорта учрежденного образца. “Первоустроитель” приказал канцелярии туркестанского генерал-губернатора разработать проект “Временных правил о выдаче заграничных паспортов в Туркестанском крае”. В 1871 г. Кауфман направил этот документ военному министру Д.А. Милютину, который отослал его в МВД, занимавшееся делами такого рода [16].

Проект предусматривал введение в Туркестанском крае трех категорий заграничных паспортов:

“А”, “Б” и “В”. Паспорта категории “А” давались на срок 6 месяцев и только тем, кто выезжал по своим делам в “сопредельные среднеазиатские ханства”. Обе других категории паспортов были связаны и с паломничеством в Мекку и Медину. Загранпаспорта категории “Б” выдавались только “туземцам” Туркестана – российским подданным, причем дифференцированно: на полгода, год, два и три года. Цены заграничных паспортов были сравнительно невысокими – от 85 коп. – за полугодовой, до 4 руб. 35 коп. – за трехлетний. Согласно “Правилам”, заграничные паспорта выдавались только в двух местах, но не в двух областных правлениях, а в казначействах: сырдарьинском областном – в Ташкенте и в верненском уезде – в г. Верном, центре Семиреченской области.

Проектом “Временных правил” было предусмотрено, что лица, собравшиеся совершить хадж, должны были предоставлять местному уездному начальнику следующие документы: “а) удостоверение от местных туземных властей, что никаких недоимок за ним (паломником. – *Авт.*) не числится, под судом и следствием не состоит и неприкосновенен к оным, частных долговых претензий на него в виду не имеется; б) поручительство трех благонадежных лиц” [16, л. 9 об.]. Документ был составлен явно в шариатском духе, так как повторял соответствующие установления мусульманского права (шариата) о паломничестве (хадже) в Мекку.

Что касается трех поручителей, о которых шариат не упоминал, то Кауфман 10 сентября 1871 г. писал военному министру, что такое требование Проекта вызвано “тем затруднительным положением, в которое поставляется наше консульство в Константинополе обращением к оному поклонников (паломников. – *Авт.*) о снабжении их деньгами для возвращения на родину” [16, л. 4]. Таким образом, Кауфман своим Проектом весьма озадачивал тех людей, которые должны были официально ручаться за собирающихся в хадж, поскольку им приходилось потом расплачиваться за все затруднения, возникшие у тех во время паломничества в Мекку. Понятно, что при таком условии находилось немного лиц, готовых поручиться за того или иного паломника, тем более что большинство мусульман Туркестана были людьми бедными. И если по нормам об уплате недоимок, неимении судимости, долгов и проч. еще можно было надеяться на приток покупателей заграничных паспортов для хаджа, то норма о “поручительстве” (тем более в трех лицах) сводила этот приток во многом к минимуму, так как часто даже богатые люди не могли найти таких поручителей – кто был абсолютно уверен в незыблемом будущем их богатства? Это и было одной из важнейших причин, по кото-

рой мусульмане края впоследствии получали заграничные паспорта в меньшем количестве, чем это предполагалось властями, предпочитая совершать хадж “по-старинке”, когда на то не требовалось никаких официальных документов, тем более официального “поручительства”. В последующем норма о поручительстве была несколько “отретуширована” местными (областными и уездными) властями и перестала быть особенным препятствием для получения необходимых для хаджа документов.

Проект предполагал, что заграничные паспорта паломникам будут выдаваться по процедуре: военные губернаторы областей дают распорядительным отделениям областных правлений разрешение выдать потенциальному паломнику в Мекку “платежное свидетельство”, имевшее вид талона из “Книги учета выданных паломникам паспортов”. Учреждение таких “книг” и их постоянное ведение предусматривались пунктом 8-м Проекта по заграничным паспортам категории “Б”. При предъявлении паломником “платежного свидетельства” уполномоченные казначейства взимали с него положенную за документ плату и выдавали ему квитанцию, в которой указывался “срок разрешенной отлучки”, и препровождали бланк заграничного паспорта военному губернатору области, который должен был лично давать распоряжение о внесении в “пробелы” между русским и персидским текстами заграничного паспорта соответствующих сведений о каждом “хаджи”. После этого заграничный паспорт в виде “открытого листа” выдавался паломнику, и тот мог тут же отправляться в Мекку.

Заграничные паспорта категории “В” предполагалось выдавать собравшимся в хадж мусульманам Туркестанского края, постоянно проживавшим в нем, но не имевшим российского гражданства (подданства). Проект предусматривал отличие таких паспортов от других категорий по форме: их “бланкеты” (бланки) печатались на гербовых листах двухрублевого достоинства. Если по первым двум категориям заграничных паспортов сбором соответствующих сведений занимались уездные начальники, то по категории “В” – лично военные губернаторы областей, поскольку им приходилось обращаться к Кауфману, чтобы тот согласовывал вопрос о выдаче заграничных паспортов на хадж в Мекку “иностранцам”-мусульманам с властями тех “сопредельных” стран, подданными которых они официально являлись.

В связи с этим считаем нелишним заметить, что в 1867 г., при назначении, Кауфман получил от императора Александра II так называемую “Золотую грамоту”, которая, в частности, наделяла его некоторыми правами и министра иностранных дел – возможностью самостоятельно входить в “сношения”

с властями соседних стран по любым вопросам, связанным с делами края. Поэтому Кауфман писал военному министру: “Выдачу паспортов иноземцам-мусульманам, отправляющимся через пределы России на поклонение в Мекку, я счел нужным обусловить удостоверением отправляющейся личности местными иноземными властями, о чем и вошел в сношения с правительствами соседних владений” [16, л. 5].

С заграничными паспортами категории “В” у Кауфмана вышла некоторая заминка. Несмотря на то, что, как отмечалось, на подведомственных территориях военный министр имел права министра внутренних дел, тем не менее, конкретно паспортными делами в России занималось МВД, с которым нужно было согласовывать все подобного рода проблемы. Заминка была связана с тем, что Кауфман еще с 1869 г. вместе с Оренбургским генерал-губернатором Крыжановским предлагали военному министру применить законы 1830-х гг. о запрещении иностранным “азиатцам” совершать паломничество в Мекку через территорию России, а значит, и через Туркестан, который стал теперь законной частью Российской империи. Военный министр Д.А. Милютин запросил на этот счет мнение министра внутренних дел А.Е. Тимашева, предлагая в случае необходимости подключить к решению этого вопроса Министерство иностранных дел. МВД надолго задумалось над этой проблемой, не желая помогать своему главному конкуренту на право управлять Туркестанским краем. Тогда в 1871 г. Кауфман предложил компромиссный вариант – заграничные паспорта иностранным “азиатцам” на совершение паломничества в Мекку все же выдавать, но на срок не более 6 месяцев. После этого МВД прекратило молчание и в сентябре 1871 г. директор Департамента исполнительной полиции писал Кауфману о том, что его предложение противоречит закону, т. е. статье 436-й “Устава о паспортах”, по которой все иностранцы имеют право получать паспорта для проживания в любом месте России сроком на один год, что означает, что изменить это правило для лиц, о котором хлопотали Кауфман с Крыжановским, МВД считает деянием противозаконным [17].

Издержки кауфмановских “Временных правил о выдаче заграничных паспортов в Туркестанском крае” 1871 г. дали знать о себе очень скоро. Выяснилось, что не все желающие совершить хадж в Мекку могли оформить соответствующие разрешительные документы, особенно в части “тройного” и “благонадежного” поручительства. Поэтому они уходили в Мекку без “сопроводительных” документов, как это делали их предки. Такой “тайный” хадж продолжался долго – фактически до укрепления границ

в Средней Азии при советской власти, однако носил не массовый, а спорадический характер.

Периодически царское правительство вспоминало об этой проблеме, причем чаще всего делало это МВД, чтобы “насолить” своему конкуренту – Военному министерству. Так, 31 декабря 1900 г. министр внутренних дел Д.С. Сипягин писал военному министру А.Н. Куропаткину о том, что в Туркестанском крае процветает “тайный” хадж местных мусульман в Мекку, который грозит занесением в Россию эпидемической заразы, так как такие паломники, не имеющие соответствующих официальных документов на совершение хаджа, естественно, избегают прохождения карантинных медицинских пунктов, призванных предотвращать занесение различных заболеваний на территорию как Туркестана, так и всей страны. Сипягин просил военного министра отдать подобающие распоряжения туркестанским властям [18]. Куропаткин направил в Ташкент копию письма Сипягина, приказав туркестанскому генерал-губернатору Н.А. Иванову усилить борьбу с “тайным” паломничеством мусульман края в Мекку.

Однако Сипягин несколько опоздал со своим письмом, так как проект новых “Правил для паломников-мусульман” уже давно разрабатывался в Канцелярии туркестанского генерал-губернатора и 23 января 1901 г. Н.А. Иванов утвердил их приказом по “военно-народному управлению” края. Эти “Правила” в значительной мере упорядочили требования к паломникам в Мекку и Медину в части документального оформления разрешений на выезд (заграничных паспортов и т. п.), благонадежности, их материальной состоятельности (наличия финансовых средств для хаджа), соблюдения карантинных порядков и т. п. Понятно, что “Правила для паломников” от 23 января 1901 г. были тут же разосланы краевой канцелярией военным губернаторам областей и начальникам уездов Туркестанского края для ознакомления и исполнения.

Для нас же представляется главным то, что вышеуказанные “Правила” генерал-губернатора Н.А. Иванова знаменовали собой наступление нового этапа в паломнической политике туркестанских властей, который сменил соответствующий курс Кауфмана. Нельзя сказать, чтобы в последующем новые правила о хадже мусульман Русского Туркестана были намного эффективнее кауфмановских, хотя некоторое ужесточение политики властей на этом направлении все же имело место, особенно в части устроения требований о прохождении паломниками карантинных постов. Вместе с тем, в целом, “Правила” Иванова были ни чем иным, как продолжением и развитием в новых условиях тех базовых основ, которые были в свое время заложены

ны Кауфманом. Безусловно, как отмечалось выше, они не были во всем безупречны, в них имелись свои недочеты, ошибки, издержки и т. д., однако Кауфману все же удалось придать паломническому процессу в Русском Туркестане, насколько это было возможно, официальный, организованный, отчасти регулируемый и подконтрольный власти характер. Самовольный (“тайный”) хадж, конечно, продолжался и впредь, но не имел тенденции роста. Напротив, уже к концу рассматриваемого нами периода он постепенно начал угасать – людей пугали штрафы и иные нежелательные последствия за совершение “партизанского” хаджа. Несмотря на то, что в марте 1881 г. “первоустроителя” поразил апоплексический удар, приведший к его смерти в 1882 г., тем не менее, со временем большинство мусульман Русского Туркестана (а их ежегодно были многие тысячи), отправляясь в Мекку, приобретали соответствующие документы, которые реально защищали их от произвола турецких властей по пути к Каабе. И во всем этом, разумеется, сквозь мглу времен просматриваются большие заслуги К.П. Кауфмана – политика, администратора и человека.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что царские власти в рассматриваемый период устройства административного и иного управления в Туркестане не запрещали совершение хаджа мусульманами региона, поскольку это было бы нарушением “Основных законов” Российской империи. Они могли только ограничивать (временно приостанавливать) паломничество в Мекку в связи с разного рода чрезвычайными обстоятельствами. Первый российский администратор Туркестана, генерал Черняев отличался либеральным отношением к исламу и его установлениям, не исключая, разумеется, и хаджа. Его преемник, генерал Романовский, проводил по отношению к мусульманству Туркестана более жесткую политику, но паломничеству адептов религии Пророка в Мекку фактически не препятствовал. С превращением Туркестанской области в одноименный край его генерал-губернатор Кауфман, проводивший политику “игнорирования ислама”, тем не менее не посягал на право мусульман региона совершать паломничество в его зарубежные “священные места”. Однако он серьезным образом упорядочил процесс совершения хаджа посредством введения заграничных паспортов, которые к концу рассматриваемого периода получили признание со стороны большинства приверженцев веры Пророка в Туркестане.

Литература

1. *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь / В.П. Наливкин. Ташкент, 1913. С. 67.
2. *Осмонов О.Дж.* История Кыргызстана: С древнейших времен до наших дней: учеб. для вузов / О.Дж. Осмонов. Бишкек, 2008. С. 249.
3. *Жолдасбаев С.* История Казахстана: Учеб. для 10 кл. Изд. 2-е / С. Жолдасбаев. Алматы, 2010. С. 183.
4. Цит. по: *Флыгин Ю.С.* Власть и ислам в Туркестане: К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867–1917) / Ю.С. Флыгин // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н. П. Остроумова. Ташкент. 27 нояб. 2008 г.: сб. мат-лов. Ташкент, 2010. С. 34–35.
5. *Котюкова Т.В.* Туркестанское направление думской политики России (1905–1917) / Т.В. Котюкова. М., 2008. С. 31.
6. См. об этом: *Литвинов В.П.* Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха нового времени) / В.П. Литвинов. Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.
7. Свод законов Российской империи (СЗРИ). Т. 1. Изд. 1857 г. СПб., 1857. С. 11.
8. Именной [указ], объявленный Сенату военным министром. Об образовании Туркестанской области. 12 февр. 1865 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. 1865 г. СПб., 1867. № 41792. С. 184.
9. См.: ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1867. № 44831. С. 1150–1151.
10. См.: ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1867. № 44844. С. 1156–1164.
11. См.: Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб.: Тип. воен. мин., 1867.
12. См.: ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 318–344.
13. *Ушаков В.Н.* Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы / В.Н. Ушаков. М.: Бишкек, 2005. С. 57.
14. См. напр.: ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42372. С. 876–881; Т. 43. Отд. 3. СПб., 1873. № 46581. С. 545–548; Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53233. С. 333–339; ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 318–344; Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6576. С. 70–75 и др.
15. Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА Узб.). Ф. 36 (Управление начальника города Ташкента). Оп. 1. Д. 1347. Л. 16.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 32. Д. 189. Л. 7–11 об.
17. РГИА. Ф. 1291 (Земский отдел МВД). Оп. 82. Д. 2. Л. 11–11 об.
18. Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГА Турк.). Ф. 1. Оп. 2. Д. 2745. Л. 10.